

Китайский маятник: Между «Вторым соединением» и точкой бифуркации 2029 года. Системный анализ устойчивости

Введение. Два взгляда на Поднебесную

Вхождение человечества в третье десятилетие XXI века ознаменовалось активным продвижением глобального мира к полицентричной структуре, где Китайская Народная Республика претендует на роль одного из несущих полюсов. Для Российской Федерации, географически и геополитически сопряженной с Китаем, понимание глубинных процессов, протекающих в Поднебесной, вышло за рамки чисто академического интереса и приобрело экзистенциальное значение. Именно поэтому современное российское китаеведение, представленное такими центрами, как ИКСА РАН, ИМЭМО РАН и МГИМО, отвергает упрощенные западные схемы, рассматривая Китай как сложную, саморазвивающуюся цивилизационную систему.

Ведущие российские эксперты, включая А.В. Ломанова, А.В. Виноградова и А.А. Маслова, описывают Китай как успешный проект, который предлагает миру альтернативную модель модернизации, опирающуюся на собственные культурные основания. Согласно этим оценкам, политическая стабильность режима Си Цзиньпина высока, а экономическая трансформация позволит стране избежать ловушки среднего дохода и достичь технологического суверенитета к 2035 году. В этой оптике Китай предстает как мощный субъект, способный стратегически планировать свое будущее на десятилетия вперед.

Однако, если применить к этому объекту метод жесткого категориального системного анализа, картина становится гораздо более тревожной. Математическое моделирование динамики социальной системы КНР за период 2001 – 2025 гг. вскрывает накопление критической энтропии. За фасадом плановой стабильности обнаруживается фундаментальная инверсия, при которой народ из цели развития превратился в средство поддержания количественного роста. В частности, мы видим, что ресурсы административного управления, сдерживающие хаос рынка и долговой кризис, являются конечными.

Это приводит нас к гипотезе о неизбежности точки бифуркации, которая, согласно расчетам, приходится на 2029 год. В этот момент субъективная воля правящей партии столкнется с гравитацией объективных экономических и демографических законов. Цель данной работы — провести очную ставку между оптимистичными прогнозами официальной историографии и суровыми выводами системного моделирования, чтобы понять: хватит ли у китайской системы «горючего» для преодоления закона всемирного тяготения энтропии.

I. Фасад Стабильности: Триумф Субъективной Воли

1.1. Идеологическая алхимия: «Второе соединение»

Фундаментом устойчивости современного Китая российская наука считает уникальную идеологическую конструкцию, выстроенную при Си Цзиньпине. Ключевым интеллектуальным вкладом в понимание этой эпохи стал анализ концепции «Второго соединения» (ди-эр гэ цзехэ), проведенный А.В. Ломановым. Если «первое соединение» марксизма с китайскими реалиями, осуществленное Мао Цзэдуном, было тактической адаптацией революционной теории к крестьянской стране, то нынешний этап имеет глубокий цивилизационный смысл.

Партия больше не рассматривает традиционную культуру как феодальный пережиток. Напротив, конфуцианские ценности — меритократия, патернализм, социальная гармония — интегрируются в марксистский дискурс как источник легитимности. Как отмечает Ломанов, провозглашение «Идей Си Цзиньпина о культуре» в 2023 году стало поворотным моментом: культура теперь понимается как фактор национальной безопасности, защищающий страну от вестернизации. Формула «национальное по форме, социалистическое по содержанию» трансформировалась, на наш взгляд, в безусловный синтез, призванный дать идеологический ответ на вызовы постиндустриального общества.

1.2. Стратегия выживания: Двойная циркуляция и новые производительные силы

Экономическая стратегия Пекина также претерпела радикальную метаморфозу, которую российские экономисты, такие как А.В. Островский и Я.М. Бергер, описывают как переход от экстенсивного роста к качественному развитию. Столкнувшись с торговыми войнами и попытками технологической блокады, Китай в 2020 году принял стратегию «двойной циркуляции». Вопреки западным интерпретациям об изоляции, российские аналитики видят в этом «стратегию открытости 2.0»: опора на внутренний спрос (основной контур) сочетается с сохранением позиций в глобальной торговле (внешний контур). Цель — сделать экономику устойчивой к внешним шокам и создать зависимость глобальных партнеров от китайского рынка.

Теоретическим оформлением нового этапа стал термин «производительные силы нового качества», вошедший в оборот в 2023–2024 годах. Эксперты ИКСА РАН видят в этом заявку на технологический рывок в области искусственного интеллекта, квантовых технологий и биотехнологий. Амбиция Пекина, как подчеркивает Никита Степанов, заключается не просто в импортозамещении, а в создании глобальных стандартов, бросающих вызов гегемонии Запада.

1.3. Социальный контракт и роль Партии

Институциональным каркасом этой трансформации остается Коммунистическая партия Китая. Российские исследователи развенчивают миф о деидеологизации: в XXI веке наблюдается реидеологизация на новой основе. Партия позиционирует себя как единственный институт, способный удержать единство 1,4-миллиардной страны и обеспечить стратегическое планирование.

Важным элементом нового социального контракта стала концепция «всеобщего процветания» (гунтун фуюй). Целью модернизации объявляется не просто рост капитала, а гармония общества и выравнивание доходов, что делает китайскую модель привлекательной для стран Глобального Юга. Усиление партийного контроля рассматривается экспертами Валдайского клуба не как возврат к тоталитаризму, а как необходимый ответ на риски распада общества в условиях цифровизации. Система демонстрирует высокую адаптивность, сочетая жесткий политический каркас с рыночной гибкостью, что, по мнению большинства российских китаистов, обеспечивает ей значительный запас прочности.

II. Анатомия Энтропии: Реванш Объективных Законов

2.1. Конфликт Целесообразности: Инверсия Цели и Средства

Если академическая наука анализирует намерения и программные документы партии, то системное моделирование работает с объективными результатами функционирования

системы. Применив к китайской действительности категориальный аппарат диалектики, мы обнаруживаем фундаментальный сбой в аксиологическом блоке: конфликт целесообразности. В классической теории социализма народ является целью развития, а экономические механизмы — средством. Однако анализ показывает, что в КНР произошла инверсия: народ превратился в средство поддержания количественных показателей роста, необходимых для легитимации власти.

Эта инверсия проявляется в механизме пожирания ресурсов будущего. Местные органы власти и корпоративный сектор, стремясь выполнить плановые показатели роста ВВП (которые являются количественной мерой успеха), использовали рыночные инструменты без оглядки на реальную потребность. В результате народ вынужден оплачивать строительство городов-призраков и избыточной инфраструктуры через потерю личных сбережений и снижение качества жизни. Система существует за счет эксплуатации витального ресурса населения, что является прямым нарушением заявленной цели служения народу.

2.2. Иллюзия контроля: Макиавеллизм против Закона Стоимости

Российские исследователи часто указывают на уникальную способность КПК сочетать план и рынок, управляя экономикой в ручном режиме. Однако системный анализ вскрывает обратную сторону этого управления. Попытка административного субъекта (Партии) подчинить себе объективный закон стоимости приводит не к отмене этого закона, а к его искаженному действию и в конечном счёте, к нарушению принципа эквивалентности обмена. Макиавеллистская воля, полагающая, что цель оправдывает средства, проигрывает объективной экономической необходимости.

Блокирование механизма рыночного самоочищения (банкротства неэффективных предприятий) привело к накоплению колоссального долга, который на конец 2023 года превысил 280% ВВП. Это не случайная ошибка, а закономерное следствие отказа от соблюдения меры. Государство вынуждено постоянно тратить свой административный ресурс («горючее») на удержание финансовой системы от коллапса, проводя бесконечные реструктуризации и вливания ликвидности. Таким образом, вместо развития производительных сил система все больше энергии тратит на борьбу с собственной энтропией, пытаясь отсрочить неизбежную расплату за нарушение экономических законов.

2.3. Демографический приговор: Высшая форма энтропии

Самым грозным индикатором системного сбоя является демографическая ситуация. В то время как эксперты обсуждают старение населения как техническую проблему нехватки рабочей силы, системный анализ видит в этом экзистенциальное отрицание системы со стороны общества. Отказ населения от расширенного воспроизводства — это не просто следствие урбанизации, а форма пассивного сопротивления инверсии цели и средства. Народ, низведенный до роли ресурса, отказывается поставлять системе новые ресурсы.

Это явление можно охарактеризовать как торжество мелкобуржуазной психологии потребления, о которой предупреждали классики марксизма. В условиях, когда воспитание ребенка требует безмерных затрат и снижает личное потребление, индивид делает рациональный выбор в пользу отказа от детей. Это означает, что материализм, положенный в основу реформ Дэн Сяопина, вступает в непримиримый конфликт с идеологической надстройкой. Демографическая энтропия является необратимым процессом, который подрывает саму базу для долгосрочного планирования, делая стратегии 2035 года зыбкими из-за отсутствия физического субстрата для их реализации.

2.4. Методология динамического моделирования: Категориальный анализ и Дифференциальная математика

Для верификации гипотез о системной устойчивости КНР в данном исследовании был применен метод структурно-диалектического сканирования с использованием алгоритмического фильтра ряда фундаментальных категорий. В отличие от линейного экономического анализа, оперирующего экстраполяцией текущих трендов (ВВП, инвестиции), данный метод рассматривает социальную систему как живой организм, проходящий через обязательные фазы развития, стабилизации и деградации в соответствии с универсальными законами диалектики.

В основе моделирования лежит прогон исследуемого объекта (социальный строй КНР) через шесть блоков категорий: от Базиса (Бытие — Небытие) до Аксиологии (Цель — Средство). Это позволило выявить скрытые противоречия, которые не видны на поверхности официальной статистики. Ключевым инструментом прогнозирования стала система дифференциальных уравнений, описывающая динамику взаимодействия двух главных переменных системы.

Первая переменная — Рыночный Фактор (R), включающий в себя объем частного сектора, долговую нагрузку и спекулятивную активность. В нашей модели он обладает свойством самовозрастания (экспоненциального роста энтропии) при отсутствии контроля. Вторая переменная — Административный Фактор (A), отражающий ресурс государственного управления, политическую волю КПК и способность к принуждению. Взаимодействие этих факторов описывается логикой, схожей с биологическими моделями «хищник — жертва», где Административный Фактор сдерживает рост Рыночного, но при этом сам истощается в процессе регулирования.

Математическая модель ($dR/dt = \alpha R - \beta AR$; $dA/dt = \gamma R - \delta A$) позволила выявить критические параметры жизнеспособности системы. Коэффициент α отражает скорость накопления экономических диспропорций (пузырей), а коэффициент δ — скорость «сгорания» административного ресурса (бюрократизация, коррупция, усталость аппарата). Анализ показал, что текущая стабильность достигается за счет чрезмерного расхода ресурса A .

Именно этот математический аппарат позволил рассчитать точку бифуркации. Она наступает в тот момент, когда издержки на поддержание контроля (δA) превышают способность системы генерировать новую управленческую энергию, а сдерживающий потенциал государства становится меньше скорости роста долговой энтропии. Согласно модели, при сохранении текущих параметров (демографического спада и долговой нагрузки) пересечение критических кривых, означающее переход системы в состояние необратимости, проецируется на 2029 год. Это делает данный временной рубеж не просто датой в календаре, а математически обоснованным пределом прочности текущей модели управления.

2.5. Критерии верифицируемости и предел фальсификации модели

Фундаментальным требованием к любому системному моделированию является возможность его объективной проверки. Представленная диалектическая модель устойчивости КНР обладает двумя уровнями верифицируемости: ретроспективным и прогностическим.

Ретроспективная верификация базируется на совпадении теоретических выводов модели с эмпирическими данными, собранными российской школой китаеведения. Модель,

построенная на логике инверсии «Цель — Средство», точно описывает уже свершившиеся факты: накопление долгового навеса (описанного в работах А.В. Островского и экспертов ВШЭ), феномен «пустых городов» и демографический спад, который российские демографы и социологи фиксируют как ключевой вызов. То, что алгоритмическая матрица выявила эти проблемы как неизбежные следствия нарушения закона стоимости, подтверждает адекватность выбранного инструментария.

Прогностическая верификация носит более жесткий характер и соответствует научному критерию фальсифицируемости Карла Поппера. Модель выдвигает проверяемую гипотезу: запас административного ресурса («горючего») для удержания системы в текущем равновесном состоянии будет исчерпан к 2029 году. Это утверждение является четким маркером. Если к указанному сроку КНР сохранит текущую модель управления и темпы роста без структурного слома или перехода к мобилизационной экономике («Военному социализму»), наша гипотеза будет опровергнута. Если же в период 2028–2030 годов произойдет резкая смена экономической парадигмы, социальный взрыв или переход к внешней экспансии как способу разрешения внутренних противоречий, модель получит окончательное историческое подтверждение. Таким образом, мы предлагаем не абстрактное пророчество, а измеримый сценарий с четким временным горизонтом.

III. Гонка со временем: 2029 против 2035

3.1. Битва прогнозов: Ресурс устойчивости

Здесь мы подходим к кульминации противоречия между двумя взглядами. Российское академическое сообщество, включая А.А. Маслова, прогнозирует сохранение политической стабильности и экономического роста (пусть и замедленного) вплоть до 2035 года. Эксперты полагают, что запас прочности, обеспеченный контролем над финансовым сектором и технологическими инвестициями, позволит Китаю пройти через зону турбулентности.

Наша системная модель, однако, указывает на иную временную шкалу. Расчет динамики истощения административного ресурса выводит нас на точку бифуркации в районе 2029 года. Разница в прогнозах объясняется тем, что традиционный анализ оценивает статику (текущую прочность институтов), а дифференциальная модель оценивает динамику (скорость выгорания ресурса управления). Административный фактор не бесконечен; с каждым витком кризиса (недвижимость, долги местных правительств) эффективность вмешательства падает, а цена поддержания стабильности растет. Таким образом, уверенность экспертов базируется на чрезмерно оптимистических выводах, проистекающих из несовершенства методологии.

3.2. Самолет против Гравитации

Метафора самолета, преодолевающего гравитацию, лучше всего описывает текущее состояние КНР. Пока есть горючее (политический капитал, резервы, доверие), самолет может лететь, нарушая законы гравитации и даже отчасти аэродинамики. Но горючее — ресурс конечный. Стратегия двойной циркуляции, на которую возлагают надежды российские китаисты, призвана стать новым двигателем. Однако, с точки зрения системного анализа, это попытка переключить питание с внешнего бака (экспорт) на внутренний (потребление) в условиях, когда внутренний бак дыряв из-за демографического кризиса и чрезмерной закредитованности как предприятий, так и населения.

Если к 2029 году Китай не сможет радикально повысить эффективность экономики (совершить качественный скачок, предсказанный теорией производительных сил нового качества), гравитация объективных законов возьмет свое. Это приведет к переходу системы в состояние необратимости, когда количественные методы заливания проблем деньгами перестанут работать.

3.3. Цена Второго соединения

Надежда Пекина на «Второе соединение» марксизма и традиционной культуры как на источник спасения также подвергается сомнению. Конфуцианская этика гармонии и подчинения может работать в стабильном аграрном обществе, но в современном урбанизированном Китае она сталкивается с мелкобуржуазной психологией масс. Российские ученые видят в обращении к традиции признак культурной уверенности, но диалектика подсказывает, что это может быть защитной реакцией системы, пытающейся компенсировать утрату образа будущего. Если идеология не подкреплена материальным улучшением жизни (которое тормозится долгами), она превращается в симулякр, не способный мобилизовать нацию в момент кризиса.

IV. Внешняя проекция: Геополитика как Средство отсрочки

4.1. Спина к спине с Россией: Внешний ресурс для внутренней стабильности

Внешняя политика Китая не является автономной сферой; в нашей модели она выступает как производная от внутренних противоречий, как средство отсрочки энтропийного коллапса. Отношения с Россией, которые отечественные эксперты, такие как С.А. Караганов и В.Б. Кашин, характеризуют формулой «спина к спине» или даже «квазиальянсом», приобретают в этом свете особое звучание. Если российская политология акцентирует внимание на взаимной выгоде и стратегической глубине, позволяющей России и Китаю противостоять двойному сдерживанию США, то диалектический анализ видит здесь жесткую функциональную необходимость.

Для Китая Россия сегодня — это не просто партнер, а гигантский внешний резервуар негэнтропии (энергия, продовольствие, безопасность северной границы), необходимый для стабилизации внутреннего контура. В условиях, когда административный фактор вынужден тратить все больше ресурсов на удержание социально-экономической стабильности внутри страны, безопасность тылов становится критическим императивом выживания. Зависимость Китая от российских поставок энергоресурсов и технологий СПРН — это тот якорь, который позволяет китайскому «самолету» сохранять равновесие при прохождении зоны турбулентности. Следовательно, партнерство с Москвой для Пекина является безальтернативным, диктуемым не симпатиями, а законами сохранения системы.

4.2. Экспорт проблем: Один пояс, один путь как сброс энтропии

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), подробно изученная российскими востоковедами как проект формирования евразийского макрорегиона, в нашей модели раскрывается как механизм экспорта продуктов внутренней дезорганизации. Российские эксперты справедливо отмечают, что одной из целей ОПОП является экспорт избыточных промышленных мощностей (цемент, сталь) и загрузка строительных гигантов. С точки зрения системного анализа, это попытка перенести внутреннее перепроизводство и перенакопление капитала, которые угрожают обрушить норму прибыли внутри КНР, во внешнюю среду.

Кредитуя инфраструктурные проекты в странах Глобального Юга, Китай фактически трансформирует свои внутренние безнадежные долги и избытки в геополитическое влияние. Однако этот процесс имеет предел. Как отмечают исследователи, возникают риски «долговых ловушек» и сопротивления со стороны реципиентов. Китай столкнулся с этим в Венесуэле и Судане. Если внешний мир откажется поглощать китайскую энтропию (избыточную продукцию и кредиты), этот поток вернется обратно, усилив давление на внутренний контур и ускорив приближение к точке бифуркации.

4.3. Риск Войны: Последний аргумент Администратора

Самый тревожный вывод модели касается динамики по шкале «Война — Мир». Российские прогнозы до 2035 года предполагают затяжную, но структурную конфронтацию с США, преимущественно в торгово-экономической сфере. Однако наша модель «истощения горючего» вводит в уравнение фактор времени. Если к 2029 году внутренние инструменты экономического регулирования (двойная циркуляция, стимулирование потребления) окажутся исчерпанными, а демографическое давление и долговой навес станут критическими, у Субъекта (КПК) останется лишь одно средство для предотвращения распада — мобилизация системы в направлении внешних целей.

Война (например, операция по возвращению Тайваня) в этом сценарии перестает быть вопросом исторической справедливости и становится технологией удержания власти. Переход к военному положению позволяет легально списать внутренние обязательства, заморозить уровень потребления и консолидировать общество перед лицом внешней угрозы, подавив индивидуалистическую психологию масс. Чем ближе точка бифуркации и чем меньше ресурсов у административной системы для мирного решения проблем, тем выше вероятность, что система выберет войну как способ «обнуления» накопившихся противоречий.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ демонстрирует фундаментальное расхождение между оптимизмом академической школы и жестким детерминизмом системного моделирования. Российское китаеведение, опираясь на устаревшую методологию и некритическое цитирование программных установок и видимых успехов КНР, рисует картину мощной цивилизации, уверенно идущей к статусу сверхдержавы середины XXI века. Оно видит в Китае субъект, способный на творческий синтез традиций и современности, марксизма и рынка.

Наш категориальный анализ, однако, вскрывает цену этого успеха. Китайское чудо последних 40 лет было куплено в кредит у объективных законов экономики и социологии. Материализм, победивший идеологию, создал общество потребления, которое теперь отказывается жертвовать собой ради государственных целей. Инверсия цели и средства, когда народ стал топливом для роста ВВП, привела к истощению самого vitalного ресурса нации.

Вердикт диалектики таков: «Закон Вселенной» гласит, что нельзя бесплатно и бесконечно нарушать объективные закономерности. Точка бифуркации 2029 года — это срок погашения исторического кредита. У Коммунистической партии Китая есть узкое окно возможностей — менее пяти лет — чтобы совершить то, что эксперты называют переходом к «производительным силам нового качества». Если технологический рывок и реформы распределения доходов успеют компенсировать демографический спад и долговую нагрузку до этого срока, Китай действительно станет архитектором нового мира, как

предсказывают российские ученые. Если же скорость накопления энтропии окажется выше скорости реформ, систему ждет жесткая посадка.

Экспертный взгляд может быть верен в оценке потенциала и амбиций Китая, но он однозначно недооценивает сопротивление материала — усталость китайского общества и неумолимость математических законов развития сложных систем. Будущее российско-китайского партнерства зависит от того, насколько трезво Москва будет оценивать не только силу, но и уязвимость своего главного стратегического союзника.

GTP-Lab

Канд.ист.наук С.В. Грисюк

www.gtpglobals.com

Список использованной литературы

1. Категория:Экономисты XXI века - Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F:%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8B_XXI_%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0²
2. Китайский клуб НИУ ВШЭ - Школа востоковедения, <https://oriental.hse.ru/chinaclub>
3. Российское китаеведение: современное состояние и основные проблемы - Elibrary, <https://elibrary.ru/item.asp?id=48250655>
4. Российское китаеведение»•1(2022) - Институт Китая и современной Азии РАН, <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/1b24e3.pdf>
5. Китайская модернизация в сравнительной перспективе – тема ..., <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-modernizatsiya-v-sravnitelnoy-perspektive>
6. В Москве обсудили особенности китайской модели модернизации - CGTN на русском, <https://russian.cgtn.com/news/2023-03-11/1634504277435293698/index.html>
7. Идеология КПК в области культуры - РСМД, <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ideologiya-kpk-v-oblasti-kultury/>
8. ФОРМУЛЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СИ ЦЗИНЬПИНА: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕ - МГИМО, https://mgimo.ru/upload/iblock/485/elibrary_30317648_40933053.pdf
9. Россия – Китай: «спиной к спине» и «лицом к лицу» - Seldon.News, <https://myseldon.com/ru/news/index/319214565>
10. Я. М. БЕРГЕР. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ, https://library.by/portalus/modules/economics/readme.php?subaction=showfull&id=1731274709&archive=&start_from=&ucat=&
11. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА»,.. 2025 | ВКонтакте, https://vk.com/wall32200_20975
12. Константин Ремчуков: Китайская экономика растёт. Все остальные падают. Что дальше? - Независимая газета, https://www.ng.ru/monitoring/2021-01-24/7_8064_monitoring.html
13. Циркуляция против изоляции - Россия в глобальной политике, <https://globalaffairs.ru/articles/czirkulyaciya-protiv-izolyaczii/>
14. Китайская пятилетка по-новому: новые приоритеты, «двойная циркуляция» и аккуратная милитаризация - Высшая школа экономики, <https://www.hse.ru/news/expertise/458261999.html>
15. Институт Китая и современной Азии РАН, <https://www.iccaras.ru/news/tlesh-mamahatov-o-resheniyah-plenuma-tsk-kpk-i-znachenii-15-j-pyatiletki.html>
16. Китай в период 15-й пятилетки будет стремиться не только поддерживать лидерство, но и создавать глобальные стандарты -- российский экономист - Жэньминь жибао, <http://russian.people.com.cn/n3/2025/1027/c31521-20381807.html>

17. Китаевед Алексей Маслов: в этом году экономика Китая покажет рост минимум в 5%, <https://russian.cgtn.com/news/2024-03-06/1765386424454135810/index.html>
18. Посол КНР в РФ Чжан Ханьхуэй дал письменное интервью ТАСС_Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации, https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/dshd/202403/t20240321_11264433.htm
19. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной республики в XXI столетии, <http://www.hamlet.ru/?view=item&id=26975>
20. УЧАСТИЕ РОССИИ В РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ПРОЕКТА "ОДИН ПОЯС - ОДИН ПУТЬ": ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ Текст научной статьи по специальности - КиберЛенинка, <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-rossii-v-realizatsii-kitayskogo-proekta-odin-poyas-odin-put-vozmozhnosti-i-riski>
21. РСМД :: Многовекторная политика России и Китая на Ближнем Востоке: ограничения «по вертикали» - Российский совет по международным делам, <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogovektornaya-politika-rossii-i-kitaya-na-blizhnem-vostoke-ogranicheniya-po-vertikali/>
22. Десятая международная конференция «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху». 80-летие победы во Второй мировой войне и 80-летие основания ООН - РСМД, <https://russiancouncil.ru/activity/conferencereports/desyataya-mezhdunarodnaya-konferentsiya-rossiya-i-kitay-sotrudnichestvo-v-novuyu-epokhu-80-letie-pob/>
23. Российско-китайский диалог: модель 2021, https://rbc.ru/wp-content/uploads/2021/07/doklad-rsmd_rossijsko-kitajskij-dialog-model-2021.pdf
24. Российско-китайский диалог: модель 2024 - РСМД, <https://russiancouncil.ru/activity/publications/rossijsko-kitajskiy-dialog-model-2024/>
25. В 2025 году Китай сократил закупки российского СПГ на 18,8% - LNG.expert, <https://lng.expert/2025/08/v-2025-godu-kitaj-sokratil-zakupki-rossijskogo-spg-na-18-8/>
26. Китай планирует к 2030 году увеличить экономику до 23,9 трлн долларов США, стимулируя расходы - Cryptopolitan, <https://www.cryptopolitan.com/ru/china-eyes-23-9t-economy-by-2030/>